

БОЛЬШЕ тридцати лет тому назад я был в Америке. Языка не знал. Мне сказали: «Идите по улице, как увидите на оконном стекле или на двери бумажку, на которой написано «р», два «о», «м», знайте — это «руум» — комната. Сдается». Я снял комнату. Денег было мало, и комната была плохая. Вернее, сама комната не так уж плоха, в большом доме на 83-й улице. Близко от Центрального парка. Но квартира, в которой находилась эта комната, была на втором этаже, а окна выходили во внутренний двор. Глубокий, как колодезь. Если открыть форточку, то комната наполнится запахами всех кухонь дома, а небо можно было увидеть, только если пригнуться до самого пола и смотреть вверх. Я проделывал это каждое утро, чтобы понять, надевать мне пальто или нет.

Вторым узнаанным мною словом было «экскузми». Тогда я еще не знал, что это два слова: «экскуз» — простите и «ми» — меня. Я думал, что это одно слово и значит оно «пропустите, пожалуйста». А необходимо это слово было для того, чтобы протискиваться в поезде метро.

Прожил я в Америке пять месяцев. Постепенно слова накапливались.

Раскрывался передо мною язык, раскрывалась страна и люди. И хотя я очень стеснялся по своей стране, по Москве, по родным и друзьям, но все-таки уезжал из Нью-Йорка с некоторой грустью. В последний вечер долго ходил по городу. Посидел на скамейке Центрального парка между двумя нью-йоркскими женщинами, вывезшими на вечернюю прогулку недавно родившихся у них двух нью-йоркских мужчин. Постоял на перекрестке Таймс-сквера, среди блеска и треска реклам, и наконец дошел до набережной, где била о камни черная вода, по которой завтра пароход должен увезти меня в Европу. Через семь дней я буду дома. Пять — в океане да два — поездом.

В те далекие годы между правительствами двух великих стран, Соединенных Штатов и Советского Союза, не было дипломатических отношений. Правительство Соединенных Штатов никак не хотело поверить тогда, что победа «большевиков» — это окончательная победа. Но историческая закономерность не зависит от того, верит в нее кто-нибудь или не верит. «Большевиков» пришлось признать и обменяться полномочными посланцами. Произошло это только в тридцать третьем году, а в двадцать шестом по Соединенным Штатам еще гастролеровал хор кубанских казаков и «великий князь» Николай Николаевич Романов чуть не каждый месяц присылал из Парижа приказы, производя кого-нибудь из участников хора в хорунжие, подполковники и полковники несуществующей армии. Вряд ли серьезные американские политики делали большую ставку на охрипших царских казаков, потерявших и голоса, и родину, и честь, но всякий человек, приехавший из Советского Союза, казался для простых людей Америки чем-то похожим на привидение: то ли верить в него, то ли нет. Но привидений никто не видел, а тут вдруг рядом на обыкновенной садовой скамейке сидит живой человек и говорит, что он из Советского Союза. Мало того, он не бежал оттуда, а просто приехал. Но что уже совсем удивительно: завтра собирается ехать обратно. «Как обратно? Туда, в этот ад?» — «Никакого ада у нас нет». — «Как нет? Да я сама вчера читала в «Таймсе»!» Минут через пять, более или менее придя в себя от встречи с живым «большевиком», моя собеседница или собеседник в Нью-Йорке, Чикаго или Вашингтоне начинает задавать вопросы. Самые неожиданные. «Есть ли в России автомобили? Должен ли я отдавать государству своих детей? Может ли моя жена носить серьги?»

Год тому назад, то есть ровно через тридцать два года после того, как я проводил глазами небоскребы Манхэттена и они разговаривали за кормой парохода, меня познакомили в Москве с американским туристом. По своей профессии он был капиталист. Причем капиталист крупный, по специальности кулинар: ему, насколько я понял, принадлежат пищевые фабрики в Калифорнии, а по своему хобби — то есть увлечению — он театрал. Человек он был умный, вероятно темпераментный и чемпион по количест-

Путь жизни

Сергей ОБРАЗЦОВ

ву вопросов, которые он мог задать в течение одной минуты. И, как это ни странно,

вопросы эти часто были почти так же наивны, как те, о которых я только что рассказал, а ответы изумляли его так, как, вероятно, Колумб не изумлялся Америке. Все казалось ему неожиданным новым и равно удивительным: и то, что грибы можно солить и мариновать, и то, что в театре может быть беспартийный директор, и то, что американец может свободно ходить по Москве.

Я очень надеюсь, что мой собеседник увез в Соединенные Штаты новые знания о нашей стране и что эти новые знания приобщили его к действительности, но то представление о Советском Союзе, которое он с собой привез, никакого отношения к действительности не имело. Это удивительно и в то же время объяснимо. Если сейчас в Америке может проводиться «неделя поработавших стран», то как же может средний американец хоть что-нибудь понять в том, что фактически происходит в мире? На протяжении десятилетий сотни достаточно ответственных американцев старались создать в представлении американского народа образ России, образ Советского Союза, как страны, люди которой хотят завоевать весь мир, превратить его жителей в «рабов коммунизма». Бывает так, что сознательный симулянт сумасшествия в конце концов начинает верить в собственный бред и действительно сходит с ума. Мне кажется, что с некоторыми ответственными людьми в Америке это случилось. Сперва они выдумали «буку», чтобы пугать других, а потом сами поверили в эту «буку» и сами же напугались.

Конечно, этот процесс запугивания народа несуществующими агрессивными планами русских еще происходит в Америке, но очень хочется верить, что он ослабевает и что постепенно рядовой американец увидит, наконец, нашу страну и нас, людей этой страны, такими, какие мы есть. Поймет, что бояться наших агрессий смешно, что не мы «раздуваем угли войны» и что само слово «война» нам ненавистно. Тем двум только что родившимся нью-йоркцам, что лежали в колясочках накануне моего отъезда из Америки, сейчас больше тридцати лет. У них уже, наверное, есть жены, и жены эти сейчас, может быть, тоже вывезли в колясочках своих детей на дорожки бульваров. Я знаю, что и жены, и их мужья не хотят войны, не хотят смерти своих детей. Не для этого они их родили.

За последние годы расстояние между Москвой и Нью-Йорком сократилось. Их отделяет всего несколько часов, проведенных в самолете, и несколько минут полета ракеты.

Первый путь — это путь жизни, второй — путь смерти.

Я знаю, что американцы, так же как и мы, советские люди, рады тому, о чем сообщали им газеты.

Хрущев летит в Нью-Йорк. Эйзенхауэр — в Москву.

Выбран путь жизни!